

Ло Юнь всегда действовала стремительно, подобно шквальному ветру. Слова «громовые и молниеносные действия» были её личным девизом, а её невероятная исполнительность была легендой в кругах, известной всем и каждому. Менее чем за неделю Ло Юнь, благодаря своим выдающимся способностям, сумела разобраться в запутанной паутине дел съёмочной группы, где переплелись множество нитей. Возьмём, к примеру, переговоры о гонорарах главных и второстепенных актёров, что само по себе было непростой задачей. Стороны преследовали самые разнообразные интересы, столь запутанные, как лабиринт; малейшая ошибка могла привести к мгновенному провалу переговоров и всей проделанной работе. Но Ло Юнь, бесстрашная и мудрая, с помощью своего красноречия, способного оживить мёртвых, преодолевала трудности, подобно отважному воину, прокладывая путь сквозь тернии. Составление контрактов было и вовсе первостепенной задачей, не терпящей ни малейшей небрежности. Детали договоров были так многочисленны, словно бескрайний лес из слов, и от этих слов зависела жизнь и смерть дальнейшей работы всей группы. Ло Юнь проверяла и утверждала каждое слово, её глаза были широко раскрыты, как у медного великана, не упуская ни одной потенциально опасной детали, в итоге добившись безупречности. Таким образом, всё шло гладко, словно гигантский корабль под полными парусами, уверенно продвигаясь по заданному курсу к началу съёмок «Императорского Рева». И вот, незаметно подошло время прослушиваний.

В день прослушивания первый утренний луч солнца, подобно нежнейшей вуали, с невероятной мягкостью и теплом медленно коснулся оконной рамы, словно рисуя на ней сказочную золотую кайму. Стрелки часов, точно выверенные, словно после бесчисленных калибровок, твердо указывали на восемь. Ло Юнь, с её ловкой и лёгкой походкой, словно ступая по облакам, бесшумно подошла к двери кабинета Кан Линъи. Она слегка подняла руку, её движение было нежным и изящным, исполненным должного этикета, с идеальным ритмом, словно метроном, издающим три чистых удара: «тук-тук-тук». После этого изнутри послышался ответ Кан Линъи, разрешающий войти. Ло Юнь осторожно выглянула из-за двери, её пронизательные глаза излучали настороженность, подобно юркой ланьке, и она тихо спросила: «Ваше Величество, можно войти?»

«Удобно ли, неудобно? Судя по твоей подозрительной манере, можно подумать, что у тебя осталась только голова, болтающаяся здесь. Заходи», — Кан Линъи была полностью погружена в горы документов, её ручка шуршала, словно пожирая листья тутовника, оставляя пометки на бумагах. Она была так занята, что даже не подняла головы, ответив как бы невзначай, с ноткой раздражения от прерванной работы.

Видя, как Ло Юнь тихонько входит и бесшумно садится рядом, опасаясь нарушить атмосферу занятости, Кан Линъи, наконец, выделила время, чтобы приподнять веки. Она бросила мимолетный взгляд на сидящую напротив, а затем добавила: «Принеси мне чаю». Сказав это, она снова уткнулась в документы, её ручка продолжала неустанно трудиться в этом море слов.

Ло Юнь не стала ничего говорить, решительно повернулась и направилась к шкафу у стены. Она уверенно взялась за ручку дверцы, легко потянула, и дверца плавно открылась. Из шкафа она извлекла большую стопку документов, а затем, развернувшись, с грохотом опустила их на стол Кан Линъи, поднимая небольшое облачко пыли. Пылинки, освещённые солнцем, пробивающимся сквозь окно, танцевали, словно стайка озорных эльфов.

Кан Линъи была поражена внезапным движением, её ручка резко остановилась, плавное

движение прервалось. Она с некоторой досадой подняла взгляд на Ло Юнь, но уголки её губ невольно изогнулись в полуулыбке, и она поддразнила: «...Ты моя верная защитница». В её тоне было три части дружеского подшучивания, как беззлобные подколы между друзьями, и семь частей искренней нежности, позволяющей любому услышать особую, выходящую за рамки обычных трудовых отношений, взаимосвязь между ними.

Ло Юнь сделала вид, что не расслышала подшучивания своей императрицы, и повернулась к кулеру. Вскоре она вернулась с чашкой горячего чая и надёжно протянула её Кан Линъи. Кан Линъи машинально взяла чашку и поднесла к губам, сделав небольшой глоток. Но после этого глотка выражение её лица мгновенно изменилось, некогда спокойное лицо похолодело, а взгляд, острый, словно способный пронзить сердце, устремился прямо на Ло Юнь, словно два ледяных стрелы, готовые прожечь в ней дыру.

Увидев это, Ло Юнь лишь привычно нахмурилась и неторопливо начала объяснять: «Хозяин долины Лин особо велела передать, что у Вас остались старые раны от той прошлогодней захватывающей битвы, где Вы чуть не погибли, и они ещё не до конца зажили. В последнее время Вам нельзя пить чай, кофе или алкоголь, только травяной фруктовый чай для восстановления сил. Это всё ради Вашего же блага, Ваше Величество».

Услышав это, Кан Линъи тут же недовольно подняла брови, словно две маленькие сабли, и сказала с явным недовольством: «Она — твой господин или я твой господин? Убери это и принеси мне американо». С этими словами она сердито поставила чашку на стол, несколько капель чая расплескались, намочив небольшую часть столешницы. Вид у неё был как у капризного ребёнка.

Ло Юнь тут же сморщилась и перешла в наступление: «Ваше Величество, Вы должны хорошо подумать. Вы же видите, как Вы заняты в последнее время, не касаясь земли. Каждый день Вы либо ломаете голову над сложными задачами съёмочной группы, либо ведете переговоры с различными сторонами. Качество Вашего сна само по себе ужасно, а ночью, лёжа в постели, Вы, вероятно, всё ещё прокручиваете события в голове, словно в «карусели». Если Вы будете пить ещё и бодрящие напитки, как Ваш организм справится? Госпожа Е, конечно, будет очень переживать, она всегда беспокоится о Вашем состоянии здоровья; даже всегда строгая и непреклонная Хозяйин долины Лин будет винить меня в недостаточном контроле. Ваше Величество, неужели Вам не жалко меня, неужели Вы не хотите, чтобы я меньше беспокоилась?» Её тон был полон обиды, с оттенком непреклонности, что делало её одновременно милой и смешной, и справиться с ней было невозможно.

«Хватит этих театральных выходок, убирай это. Если бы я не знала, что ты моя главная защитница, я бы подумала, что ты моя новая любовница», — раздраженно сказала Кан Линъи, на её лице было явное недовольство, а брови были сведены в глубокую складку «Река».

Ло Юнь замерла в воздухе, а затем безжалостно раскритиковала свою императрицу: «Я бы тоже хотела иметь такого сильного человека, как Вы, Ваше Величество, на которого можно было бы опереться, но где мне Вас найти. Ведь Вы, Ваше Величество, никогда не будете иметь любовников. Спереди вас контролируют госпожа Е и учитель, которые, словно два стража, следят за каждым вашим движением; сзади Хозяин Секты Ши, Принцесса Дугу и Хозяин долины Лин тоже выжидают. Было бы настоящим чудом, если бы у Вас появился любовник».

Кан Линъи была одновременно взбешена и позабавлена её словами, она не могла не сказать: «Посмотри, посмотри, кто так подрывает авторитет своей императрицы?» — «Я создала условия, а ты всё разрушила. Не боишься, что я тебя накажу?» — Кан Линъи притворно нахмурилась, намеренно сделав строгое лицо, не собираясь так легко отпустить Ло Юнь.

Ло Юнь сосредоточенно ответила: «Не боюсь, потому что никто во всей Секте Лазурных Облаков, да и госпожа Е, не сможет справиться с моей работой. Я всегда отношусь к своим обязанностям с такой осторожностью, словно охраняю редкую драгоценность, и не доверяю никому другому. Точно так же, разве Вы не доверяете никому другому, чтобы служить Вам? Если Вы настаиваете на поиске любовника, Вы можете посмотреть на Ванью, но тогда я буду немного обижена на Вас. Ведь если у Вас появятся такие мысли, то со стороны это будет выглядеть так, словно Вы хотите, чтобы я рассталась с ним, чтобы использовать Ванью в своих целях». Говоря это, тон Ло Юнь внезапно стал немного обиженным, её глаза слегка покраснели, а уголки глаз приобрели трогательный красный оттенок, словно Кан Линъи действительно сильно её обидела. Она выглядела такой несчастной.

Кан Линъи почувствовала, что Ло Юнь сейчас как будто одержима каким-то странным духом, и пренебрежительно махнула рукой: «Не можешь даже пошутить? Оставь документы и унеси эту кучу прочь».

Кто бы мог подумать, что скорость и мастерство Ло Юнь в смене настроения было поистине редким чудом в мире. Мгновение назад её глаза были влажными, с оттенком обиды, словно нежный цветок, раздавленный сильным ливнем, её жалкий вид заставлял всех думать, что она столкнулась с величайшей несправедливостью и накопила море обид. Она опустила веки, на густых ресницах ещё блестели слезинки, она слегка прикусывала нижнюю губу, иногда всхлипывая, так правдоподобно изображая обиду, словно получила величайшие притеснения от своей хозяйки и испытала все обиды мира.

Но в следующий момент всё изменилось, тучи мгновенно рассеялись с её лица без следа, словно вчерашняя печаль была лишь иллюзорным сном. Её губы, словно притянутые невидимой нитью, безудержно изогнулись вверх, мышцы лица быстро напряглись. Всего за три секунды улыбка растянулась до ушей, обнажив ряд белоснежных зубов, сияющих на солнце. Глаза сощурились, как полумесяцы, а морщинки в уголках глаз излучали радость, и желание угодить было написано на её лице. Её голос был чистым и громким, с ноткой радости, она ответила: «Хорошо». Такое оживление, что любой, услышав, мог почувствовать её хорошее настроение, словно прошлая «драма обиды» никогда не случалась с ней, такая быстрая смена настроения поражала.

Кан Линъи не смогла удержаться, закатила глаза, но её губы неслышно изгибались в едва заметной улыбке, с некоторой досадой и нежностью она проворчала: «Актриса, твоих выходок не счесть. С такой игрой даже Оскар показался бы тебе несправедливым, задолжавшим тебе золотую статуэтку». Несмотря на резкие слова, в глубине её глаз мерцал блеск, выдававший особую близость и взаимопонимание между госпожой и слугой, и посторонние могли ощутить тепло их отношений.

Ло Юнь не обиделась, хихикнула и, нагло улыбаясь, сказала: «Ваше Величество, Вы слишком щедры. Я ведь просто стараюсь Вас развеселить. Если могу вызвать у Вас улыбку, то почему бы

мне не побыть актрисой». С этими словами она подмигнула Кан Линъи, выглядя чрезвычайно мило, её глаза сияли живым блеском.

Кан Линъи, позабавленная этим, покачала головой и, смеясь, отругала: «Только ты умеешь так говорить. Скорее клади документы и перестань здесь мешать, мне ещё куча дел».

Ло Юнь ответила, послушно положила документы на стол и снова поставила чашку фруктового чая перед Кан Линъи, серьёзно сказав: «Ваше Величество, Вы сначала выпейте чаю, смочите горло, потом можете продолжать работать, немного подождать не страшно».

Кан Линъи беспомощно посмотрела на неё, но в итоге всё же взяла чашку и слегка отпила. Сладкий фруктовый аромат мгновенно распространился во рту, сладкие нотки скользнули по горлу, заставляя её слегка прищуриться, и на лице появилась нотка умиротворения. Видя, что она выпила чай, Ло Юнь удовлетворённо отошла в сторону и тихо стояла, выпрямившись, готовая в любой момент выполнить распоряжение Кан Линъи.

«Прослушивания начнутся в три часа дня, а ты всё стоишь здесь, как истукан?» — Кан Линъи подняла голову из стопки документов, её взгляд был острым, и она быстро затараторила: «Эта куча вещей выглядит так удручающе, скорее уноси её и разбирайся. Где нужно подписать, быстро подписывай, а те контракты, что ещё не согласованы, тоже нужно срочно довести до конца. Ах да, кажется, у тебя ещё есть один проект, который нужно согласовать с храмом Лин? Я лично этим займусь, договорилась о встрече за ужином на шесть вечера. Выбери место с хорошей репутацией, закажи изысканные и вкусные блюда, не опозорь нас».

Ло Юнь, услышав это, всё поняла. Её императрица просто искала предлог, чтобы отправить её по делам. Взглянув на стопку толстых документов, которая и так вызывала головную боль, она почувствовала крайнюю досаду. Уголки её губ слегка дрогнули, она подняла взгляд на Кан Линъи, в её глазах читалось понимание, которое она не стала озвучивать. Слабым и уставшим голосом она сказала: «Ваше Величество, перестаньте искать предлоги, чтобы отделаться от меня. Я всё заберу, хорошо? Но и Вы, пожалуйста, не думайте о растворимом кофе из удобных магазинов. Хозяин долины Лин строго-настрого запретила Вам сейчас употреблять всё, что вызывает привыкание. Вам нужно сосредоточиться на восстановлении. Никакой вредной пищи». С этими словами Ло Юнь намеренно усилила тон, её глаза излучали неоспоримую решимость, надеясь удержать своенравного господина от опрометчивых поступков.

Кан Линъи не была удержана. Она вскочила со стула с громким скрежетом, который резко выделился в тишине кабинета. Её приподнятые брови взлетели вверх, словно две острые сабли, её глаза горели гневом, будто из них мог вырваться огонь. Щеки её вздулись, словно у разгневанной, взъерошенной кошечки, полностью утратив прежнее спокойствие, достоинство и элегантность. Она повысила голос, совершенно игнорируя осанку и манеры, её разум был занят только неудовлетворённым желанием: «Ах ты, Ло Юнь, ты теперь такая смелая! Полагаешься на поддержку тех, кто за твоей спиной, и становишься всё более беспрдельной? Я тебе говорю, Ло Юнь, я тебе чётко говорю: я хочу пить американо сейчас же. Я не хочу больше видеть эту сладкую, липкую, до тошноты сладкую вещь. Просто от запаха у меня в горле будто скапливается слой густого сиропа, и мне становится невыносимо».

Ло Юнь была ошеломлена её внезапным гневом и замерла на секунду, её тело словно застыло, мозг на короткое время опустел. Она забыла, что её госпожа не любит сладкое. Однако, поскольку она давно служила Кан Линъи и хорошо знала характер своей госпожи, она понимала, что когда та упрямится, её никто не остановит. Поэтому она тут же пришла в себя, быстро смягчила тон, её лицо мгновенно озарилось подобострастной улыбкой, глаза изогнулись, губы растянулись, обнажив два забавных клыка, и она сказала: «Ваше Величество, успокойтесь, пожалуйста, не расстраивайте себя. Я сейчас же быстро сделаю Вам новый напиток. Но насчёт этого холодного американо, Вы пока забудьте. Вы же знаете, Ваши старые раны ещё не до конца зажили. Если вдруг выпьете что-то холодное, зимняя сырость войдёт в тело, и старые раны снова дадут о себе знать, тогда страдать будете Вы. Даже если у меня будет десять голов, я не смогу взять на себя такую ответственность. Или так: я добавлю Вам поменьше сахара, тщательно приготовлю вкус, который немного удовлетворит Ваше желание, но не будет слишком сладким. Уверен, Вам понравится, хорошо? Ваше Величество, пожалейте меня, не усложняйте мне жизнь».

Кан Линъи, которая всегда была вспыльчивой, как летний ливень, быстрой и резкой, но также быстро успокаивающейся, только что сердилась и спорила с Ло Юнь, а теперь, слегка успокоившись, снова начала думать о еде и сыпать требованиями: «Хорошо, я ещё хочу попробовать суповые пельмени от Хозяина Чи. Тебе нужно купить их в «Инь Пин Цзю», другие не такие вкусные, и есть их неудобно. О, и ещё принеси немного черешни, личи и клубники. Выбирай самые свежие и самые крупные. Ты всё это запомнила?» Говоря это, она перебирала пальцы, перечисленные требования, ничуть не задумываясь о своей капризности, просто предвкушая удовольствие от вкусной еды, её слюнки чуть не потекли.

Этот поток требований, словно пулемётная очередь, ошеломил Ло Юнь, её голова раздулась в два раза. Она беспомощно вздохнула, на её лице по-прежнему была покорная улыбка, и она ответила: «Хорошо, Ваше Величество. Подумайте ещё, есть ли что-то ещё, что Вы хотели бы съесть? Если нет, то Старший управляющий Цуй прислал Вам завтрак рано утром, Вам обязательно нужно его съесть, не голодайте, пока работаете».

Услышав это, Кан Линъи мгновенно сдулась, словно проколотая *bola*, опустив голову, пробурчала: «О». Её тон был так жалобен, словно она получила величайшую обиду, полностью утратив прежнюю властность, превратившись в ребёнка, который не смог получить конфету, вызывая одновременно раздражение и улыбку.

Ло Юнь, увидев жалобный вид Кан Линъи, почувствовала слабую жалость и поспешила утешить её: «Ваше Величество, не будьте так расстроены. Когда я вернусь, я принесу Вам Ваш любимый торт «Красный бархат», хорошо? Этот торт куплен у Вашей любимой кондитерской. Его нежная и мягкая текстура, словно лёгкое облачко, прослоена нежным и сладким кремом, который тает во рту, а сверху посыпан кисло-сладкой сушеной клюквой. Кисло-сладкий вкус танцует на языке, и один укус доставляет невероятное удовольствие». Сказав это, она, словно что-то вспомнила, сменила тему: «Кстати, госпожа Е утром услышала, что Вы так заняты, что, возможно, не успели позавтракать, и специально попросила Фэн Юя принести Вам кое-что из Ваших любимых блюд. Не знаю, что там».

«С утра пораньше, кто это съест? Торт «Красный бархат» слишком сладкий, от одной мысли у меня в горле становится приторно», — услышав это, Кан Линъи затрясла головой, словно погремушкой, на её лице было явное отвращение, и она размахивала руками в воздухе, словно

пытаясь развеять навязчивую сладость. Отступая на пару шагов, она пристально смотрела на Ло Юнь, боясь, что она в любую секунду протянет ей торт «Красный бархат». Её нетерпеливый и брезгливый вид излучал детскую непосредственность. «Поставь на стол, я съём позже, когда у меня будет время», — добавила она, пытаясь как можно скорее закончить разговор.

Ло Юнь мысленно про себя подумала: «Как же трудно угодить». Но на её лице по-прежнему была нежная улыбка, и она не смела ничего выказать, просто ожидая новых распоряжений Кан Линъи, чтобы быстро их выполнить.

Пока Ло Юнь размышляла, Кан Линъи, словно что-то вспомнив, снова заговорила: «Кстати, подготовь мне подробный отчёт по проекту для храма Лин, особенно о новых направлениях их бизнеса за последние годы, чем подробнее, тем лучше. Я не хочу попасть впросак на ужине».

Ло Юнь поспешно кивнула: «Ваше Величество, будьте спокойны. Я уже почти закончила вчера вечером. Ещё раз проверю, и к полудню он будет у Вас на столе». Сказав это, она ловко собрала документы со стола и прижала их к груди.

Кан Линъи удовлетворённо кивнула: «Иди, возвращайся скорее».

Как только Ло Юнь подошла к двери, она услышала, как Кан Линъи крикнула ей вслед: «Эй, не забывай и о себе, купи себе что-нибудь поесть по дороге, нельзя работать голодной». Несмотря на приказной тон, в этих словах можно было уловить некоторую заботу.

Сердце Ло Юнь потеплело, она обернулась и озорно улыбнулась: «Спасибо Вашему Величеству за заботу, я поняла».

Выйдя за дверь, Ло Юнь с облегчением вздохнула. Сначала она пошла в чайную, чтобы заварить себе растворимый кофе для бодрости, а затем погрузилась в кипу документов. Она работала с такой концентрацией, что шум вокруг автоматически отсекался, а время, казалось, ускорялось. Незаметно наступило время обеда. Наконец, перед ней лежал подробный отчёт по проекту. Ло Юнь потянулась, размяла онемевшие конечности и, взяв отчёт, поспешила в кабинет Кан Линъи.

Не успев войти, она услышала, как Кан Линъи разговаривает по телефону, видимо, с госпожой Е о мелких деталях подготовки съёмочной группы, её тон был лёгким и немного кокетливым. Ло Юнь не осмелилась войти сразу, послушно подождала снаружи, пока разговор не закончился, и лишь затем тихо постучала.

«Входи», — послышался голос Кан Линъи. Ло Юнь открыла дверь, положила данные на стол и сказала: «Ваше Величество, все материалы по проекту храма Лин готовы, пожалуйста, ознакомьтесь».

Кан Линъи взяла папку, быстро просмотрела её, выражение её лица становилось всё более расслабленным, уголки губ непроизвольно поднялись: «Мм, неплохо. Не зря я тебя так балую,

ты делаешь всё быстро».

Получив похвалу, Ло Юнь ещё больше улыбнулась: «Это всё благодаря Вашему мудрому руководству, Ваше Величество. Для меня честь служить Вам. Кстати, Ваше Величество, уже обед, что бы Вы хотели на обед? Я всё организую».

Кан Линъи наклонила голову, задумавшись на мгновение: «Принеси мне лёгкой каши и несколько освежающих закусок. Эти дни я ела слишком много мяса, во рту нет вкуса. Ах да, ты тоже присоединяйся, не будь такой усердной, что забудешь о себе и ослабнешь».

Ло Юнь была польщена и поспешно отмахнулась: «Я не могу есть за одним столом с Вашим Величеством, это нарушает правила. Я просто распоряжусь на кухне, чтобы Вам приготовили еду».

Кан Линъи удивлённо подняла брови: «Сколько у тебя правил? Я сказала, что мы будем есть вместе, значит, будем. Как так, ты уже не слушаешь меня?» Несмотря на выговор, в её глазах не было ни капли гнева.

Ло Юнь пришлось согласиться: «Да, Ваше Величество. Тогда я пойду всё организую, подождите немного». Вскоре на стол была подана горячая еда: лёгкая каша с ароматом злаков и яркие закуски.

Когда они спокойно ели, Кан Линъи внезапно сказала: «Прослушивание днём, хотя подготовка прошла успешно, я всё ещё немного волнуюсь. Как думаешь, что-нибудь может пойти не так?»

Ло Юнь проглотила еду и уверенно сказала: «Ваше Величество, будьте спокойны. Всё, что должно было быть подготовлено, подготовлено. Актёры, пришедшие на прослушивание, тщательно отобраны. Более того, Вы сами будете присутствовать, всё пройдёт гладко». Услышав это, Кан Линъи почувствовала облегчение и продолжила есть кашу.

В три часа дня прослушивание началось вовремя. Атмосфера была напряжённой, как натянутая тетива. Актеры, полные амбиций и тревог, ждали в зоне ожидания решения своей судьбы. Вэнь Луаньсинь, в простом платье, грациозно вошла в зал для прослушивания, в её глазах читалась едва уловимая гордость.

Когда настала её очередь выступать, она должна была прочитать реплики из предложенного сценария. Но она изменила ход разговора, как бы невзначай сказав несколько слов. Её слова были наполнены скрытым смыслом и с сарказмом обращены к Кан Линъи: «О, как же вы держите себя высокомерно, как правитель. Вам совершенно всё равно, устают ли люди внизу, страдают ли, главное, чтобы Вам было комфортно». На её губах играла холодная усмешка, а взгляд был вызывающим, когда она посмотрела на Кан Линъи.

Зал для прослушивания мгновенно погрузился в тишину, все замерли, страхом не смея выдохнуть. Взоры всех присутствующих устремились на Кан Линъи. Ещё недавно беззаботное

выражение на лице Кан Линъи сменилось ледяной отстранённостью. Она усмехнулась и холодно произнесла: «Какая самонадеянность — считать себя кем-то значительным, полагаясь лишь на долю актёрского мастерства. Это просто смешно». Её голос был полон беззвучного мороза, пробирающего до костей.

Вэнь Луаньсинь никак не ожидала столь бурной реакции от Кан Линъи. На её лице мелькнуло замешательство, но она упёрто выпрямила спину и проговорила: «Я... я просто вжилась в роль, это было искреннее чувство».

«Искреннее чувство?» — Кан Линъи рассмеялась в ярости и начала медленно приближаться к Вэнь Луаньсинь. Звук её туфель на высоком каблуке, стучавших по полу, был подобен предвестнику гибели. — «Если у тебя есть столь же смелые идеи, но нет и актёрского мастерства, не смей пусто лаять у меня на глазах, как пёс».

Лицо Вэнь Луаньсинь стало мертвенно-бледным, губы дрожали, она хотела возразить. Находящийся рядом ассистент, увидев, что ситуация накаляется, поспешно схватил её и торопливо покинул зал для прослушивания. Этот внезапный шторм нарушил и без того размеренный ход прослушивания.

Вэнь Луаньсинь, оттаскиваемая ассистентом, в смятении выбежала из зала, полная негодования. Слезы выступили на глазах. Ассистент продолжал ворчать, уговаривая её больше не связываться в неприятности. Вэнь Луаньсинь яростно промокнула слезы, её сердце наполнял праведный гнев.

Тем временем Кан Линъи всё ещё не остыла, её взгляд был мрачен. Ло Юнь, улучив момент, тихо сказала: «Ваше Величество, не стоит так расстраиваться, это вредно для здоровья. Поступки Вэнь Луаньсинь, конечно, дерзки, но её актёрские способности действительно неплохи. Было бы жаль вовсе от неё отказываться».

Кан Линъи нахмурилась и бросила на Ло Юнь взгляд: «Она осмелилась вести себя так нагло передо мной, и ты хочешь, чтобы я оставила её играть главную женскую роль? Мечтай!»

Ло Юнь, виляя, продолжила мягко уговаривать: «Ваше Величество мудра, главную женскую роль ей, конечно, не дадим. Но этот сериал готовится уже давно, а на роль второй женской роли мы так и не нашли подходящей кандидатуры. Вэнь Луаньсинь подходит по образу и навыкам. Почему бы не назначить её на роль второй женской роли? Это будет и своего рода урок, чтобы она поняла, кто здесь главный, и чтобы в будущем она добросовестно работала на съёмочной площадке».

Кан Линъи, нахмурившись, несколько мгновений размышляла и посчитала слова Ло Юнь разумными. Она холодно фыркнула: «Ладно, будет по-твоему. Но нужно найти кого-нибудь, чтобы хорошо её наставить, чтобы она не вела себя неподобающе, попав в команду».

Ло Юнь поспешно закивала: «Ваше Величество, будьте спокойны, я немедленно займусь этим и позабочусь о том, чтобы все было улажено должным образом». Получив согласие Кан Линъи,

Ло Юнь повернулась и вышла, чтобы связаться с менеджером Вэнь Луаньсинь для обсуждения нового контракта. Вэнь Луаньсинь, узнав, что ей предложена роль второй женской роли, хоть и чувствовала обиду, понимала, что это наилучший возможный исход. Она стиснула зубы и согласилась.

<http://bllate.org/book/19648/1932191>